

передъ любимымъ художникомъ не даетъ мѣста критическому анализу, не выразится беспощаднымъ приговоромъ ихъ неосновательности; пусть такъ, но дальнѣйшая работа критическаго ума, не слишкомъ легко и не безъ борьбы оправдывающаго увлеченія сердца, разберетъ всю метафизическую паутину и, оставивъ нетронутой одну лишь формулу заповѣди о любви, или породитъ разладъ между собою и сердцемъ или попытается подыскать новыя основанія для оправданія благородныхъ стремленій сердца. Для сердца, которое склонно скорѣе къ эгоизму, эта критическая работа ума можетъ закончиться ниспроверженіемъ принятой морали, если только она можетъ быть принята такими сердцами; сердце, жаждущее любви и самоотверженія, въ самой этой потребности любви будетъ искать основаній любить больше и больше, и для него метафизика Л. Толстого будетъ лишь временной теоретической основой его природной склонности, замѣной отсутствія какихъ бы то ни было убѣжденій.

Да, временной, ибо немного нужно имѣть критическаго ума, чтобы разобраться въ своеобразно сплетенной философіи Л. Толстого. Для нихъ, этихъ людей, не дорожающихъ «тьмою мелкихъ истинъ» христіанства, ученіе Л. Толстого будетъ не болѣе какъ ихъ «возвышающимъ обманомъ», возвышающимъ, ибо лучше имѣть хотя такія воззрѣнія, чѣмъ никакихъ. Но обманъ, хотя бы и задрапированный пышными одеждами величія, есть все-таки обманъ и въ самомъ себѣ носить сѣмена разрушенія. И когда разсѣется этотъ обманъ и сердце будетъ искать новыхъ теоретическихъ основъ для своей самоотверженной любви, то можетъ быть презираемая гордыми людьми «тьма мелкихъ»¹⁾ христіанскихъ истинъ окажутся единственно крѣпкими основами истинной нравственности. Имъ указанъ истинный источникъ истинной морали — Христосъ и Евангеліе. Неудовлетворившись этой поддѣлкой христіанства, какую предлагаетъ Л. Толстой, но заинтересовавшись доселѣ презираемымъ ими Христовымъ ученіемъ, они обратятся къ изученію Евангелія и прекрасно поймутъ всю грандіозность этой поддѣлки.

1) Конечно, съ точки зрѣнія ихъ противниковъ.